

Дорогой и незабвенный друг Михаилъ Гавриловичъ!

Всѣ мы, твои друзья, собрались нынѣ во св. храмъ сей, въ которомъ ты въ продолженіе 17 лѣтъ проповѣдывалъ неустанно Слово Жизни вѣчной и возносилъ молитвы къ престолу Всевышняго, чтобы сказать тебѣ послѣднее прости. Грустныя минуты! Тяжелая утрата! Невыразимо больно разставаться съ тобою навѣки. Страшный и тяжелый недугъ, какъ тать въ ночи, незамѣтно подкрался къ тебѣ и для всѣхъ внезапно повергъ тебя на смертный одръ. Но скорбь наша еще болѣе усугубляется оттого, что, благодаря страшному недугу, постигнутому тебя, мы не имѣли возможности въ послѣдніе дни твоей жизни навѣстить тебя, облегчить душу бесѣдою съ тобою, выразить тебѣ свое сочувствіе, свою любовь. Но то, что должно было совершиться по неисповѣдимымъ судьбамъ Божьяго изволенія, совершилось уже! Да будетъ уже, Господи, воля Твоя! Теперь же, въ эти послѣднія минуты тягостной разлуки съ тобою навѣки, невольно въ душу льются, всезахватывающими волнами, инныя воспоминанія,—воспоминанія о пережитомъ. 25 лѣтъ тому назадъ молодымъ и сильнымъ, жизнерадостнымъ и полнымъ энергіи ты впервые вступилъ въ нашу дружную педагогическую семью подъ стѣнъ св. обители пр. Саввы Звенигородскаго. Съ первыхъ же дней твоей служебной дѣятельности мы увидѣли высокое благородство твоей души въ отношеніи къ своимъ сослуживцамъ, полную готовность отдаться своему дѣлу, сердечное отношеніе къ дѣтямъ. Мы увидѣли въ тебѣ не только сослуживца, но и искренняго друга и беззавѣтнаго труженика на педагогической нивѣ. Для тебя дѣло воспитанія дѣтей, вѣрныхъ намъ, стало роднымъ и дорогимъ дѣломъ. Мы не могли не оцѣнить также и твоей высокой честности и правдивости во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся внутренней училищной жизни. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было отстаивать поправныя права, когда нужно было отстаивать интересы слабыхъ и беззащитныхъ, ты всегда безбоязненно выступалъ въ защиту ихъ, не раздумывая о томъ, какими послѣдствіями могло разрѣшиться для тебя самого твое выступленіе. Оставивъ педагогическую службу, ты принялъ на себя болѣе тяжелый и отвѣтственный подвигъ,—подвигъ пастырскаго служенія и съ честью и великимъ самоотверженіемъ несъ его въ продолженіе почти 20-ти лѣтъ. Возложивъ руки на ораолъ, чтобы воздѣлывать ниву Господню, ты не былъ на этомъ дѣлѣ рабомъ лукавымъ и лѣнивымъ. Ты шель прямымъ путемъ, не оглядываясь вспять и не озираясь по сторонамъ. Ты не считался съ интересами, которые были противны твоей совѣсти и нарушали правду Божию; ты не приглядывался и не поблажалъ никогда стремленіямъ и желаніямъ лицъ, хотя бы и сильныхъ и вліятельныхъ, которыя были противны твоимъ прямымъ и честнымъ убѣжденіямъ. Предъ тобою всегда была одна цѣль—исполнить Законъ Христовъ, написанный въ сердцахъ

твою,—закон самоотверженной любви и милосердной помощи всѣмъ въ горести и несчастіяхъ приходившимъ къ тебѣ и искавшимъ у тебя утѣшенія. Мелочи жизни, столь часто захватывающія всецѣло человѣка и доводящія его до состоянія духовной мертвенности, чужды были тебѣ. Ты всегда находилъ въ себѣ достаточно нравственныхъ силъ, чтобы вышатаиться надъ ними. Вотъ почему ты такъ сильно и привлекалъ къ себѣ сердца и дѣтей, которыхъ ты училъ истинамъ вѣры Христовой, и взрослыхъ—дѣтей своихъ духовныхъ. Вотъ почему и беседа съ тобою всегда была отрадна и успокоительна. Нелегка была твоя жизнь. Обремененный большою семьею, ты много переживалъ скорбей и душевныхъ мукъ, въ особенности же за послѣдніе годы, когда тяжелая болѣзнь, почти непрерываясь, посѣщала и тебя и твою горячо любимую семью. Еще недавно мы пережили большую тревогу за твою жизнь, когда тяжелая болѣзнь, брюшной тифъ, на цѣлое лѣто приковала тебя къ постели. Но несмотря на все это ты до послѣдняго времени неутомимъ былъ въ трудахъ. Когда ослабленный болѣзнями организмъ требовалъ покоя и отдыха для возобновленія силъ, ты попеременно продолжалъ трудиться, трудиться безъ мѣры. Кромѣ ежедневныхъ церковныхъ службъ и исправленія приходскихъ требъ, ты трудился по преподаванію Закона Божія въ двухъ многолюдныхъ учебныхъ заведеніяхъ, исполнялъ сложныя и кропотливыя дѣла по должности духовнаго слѣдователя, участвовалъ во многихъ комиссіяхъ по порученію епархіальнаго начальства. И вездѣ ты былъ добросовѣстнымъ работникомъ, самоотверженнымъ труженикомъ. По особому складу своего характера и своей добросовѣстности, ты ни одно дѣло не могъ дѣлать напополину, ты весь и всецѣло отдавался ему. Несомнѣнно, что такая непосильная работа, такое напряженіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ не могло не отразиться губительно въ концѣ концовъ на состояніи твоего здоровья. Ты изнурилъ свой организмъ могучій и когда разразилась новая и страшная бѣда, въ видѣ страшной болѣзни, постигшей столь внезапно тебя, тогда онъ уже не могъ противостоять ей. Но, дорогой мой, мы вѣримъ, что хотя бранныя останки твоего тѣлеснаго естества, сокрытыя въ гробѣ семь, бездыханныя и безгласны и скоро возвратятся въ землю, откуда и взяты, но духъ твой бессмертный и вѣчно живой, съ нами будетъ всегда. Любовь святая, любовь Христова, которую ты воплощалъ въ жизни, любовь всесозидающая, всеобновляющая, вѣчно живая, всевозрождающая жить будетъ вѣчно. Ахъ, если бы ты могъ встать сейчасъ изъ гроба, ты увидѣлъ бы какъ сѣмена глубокой вѣры и любви, которыя ты съ такимъ самоотверженіемъ посѣвалъ всю жизнь, не только не погибли съ твоей смертію, но уже возрастаютъ и даютъ плодъ много. Посмотри на этотъ св. храмъ, гдѣ стоитъ твой гробъ, и на великое множество людей, окружающихъ его. Вотъ сонмъ пастырей во главѣ съ архипастыремъ возносить къ Господу Богу горячія молитвы о упокоеніи души твоей! Вотъ твои ученики! Въ сердца ихъ ты неустанно любящимъ словомъ и живымъ примѣромъ вкладывалъ непоколебимые завѣты вѣчной любви Христовой. Для нихъ ты былъ всегда примѣромъ честной и самоотверженной дѣятельности. Ихъ ты живымъ и искреннимъ словомъ утверждалъ въ сознаніи высокаго значенія человѣческой природы, въ благотворномъ значеніи человѣческаго разума, проникнутаго спасительнымъ и животворнымъ духомъ ученія Христова. Могутъ ли они забыть твои наставленія, наставленія, исходящія отъ любящаго сердца, преисполненныя искреннимъ великодушнымъ расположеніемъ и любовью. Могутъ ли они забыть тебя когда-либо? Вотъ родная и дорогая твоя семья, твои горячо любимыя дѣти и жена, которыя всю жизнь не забудутъ тебя за твою безпредѣльную любовь, за твою ласку и самоотверженныя заботы о нихъ. Вѣдь въ нихъ была вся твоя жизнь, въ нихъ вся твоя радость, все утѣшеніе! Для нихъ ты останешься навѣки источникомъ радостной любви и благодарной признательности. Вотъ, наконецъ, и паства твоя, Богомъ данная. Вотъ дѣти твои духовныя, съ которыми ты дѣлилъ и горе, и радость, для которыхъ ты былъ „всѣмъ вся“: съ радующимися—радовался, съ плачущими—плакалъ, которыя шли къ своему добру и отзывчивому пастырю-отцу со всѣми своими нуждами и печальми. Могутъ ли они забыть своего пастыря, который и самую смерть принималъ изъ-за безмѣрной любви къ нимъ. Воистину, дорогой мой, ты „душу свою положилъ за други своя“. Ты исполнилъ завѣтъ Христовъ: „Пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы своя“. Покойся же теперь мирнымъ сномъ вѣчнымъ! Говорятъ, что послѣ кончины на лицѣ твоёмъ застыла радостная улыбка. Можетъ быть передъ твоимъ духовнымъ просвѣтленнымъ взоромъ въ тотъ мигъ открылась тайна вѣчной жизни. Можетъ быть ты тогда позналъ истинную радость, передъ которой радости земныя—одна „суета суетъ“ и позналъ истинную правду путей своихъ. Помолитесь же, братіе и други, о вѣчномъ покоѣ скончавшагося новопреставленнаго іерея Михаила, да проститъ ему Милосердый Господь всѣ согрѣшенія его, волевныя и неволевныя, и да упокоитъ его въ селеніяхъ праведныхъ.

Священникъ *Іоаннъ Можаровъ.*

